

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Кокшаров Д.А. Целостная методология истории в свете интегральных воззрений Владимира Соловьёва, Рудольфа Штайнера и Кена Уилбера // Философская мысль. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.12.76639
EDN: XMPIFG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76639

Целостная методология истории в свете интегральных воззрений Владимира Соловьёва, Рудольфа Штайнера и Кена Уилбера

Кокшаров Дмитрий Александрович

Независимый исследователь

273003, Россия, Херсонская область, г. Херсон, ул. Университетская, 27

✉ kokscharow@yandex.ru

[Статья из рубрики "Философия истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.12.76639

EDN:

XMPIFG

Дата направления статьи в редакцию:

05-11-2025

Аннотация: В статье рассматривается методология исторической науки как объект исследования, сохраняющий высокую востребованность и актуальность за счёт большого потенциала развития и открывающихся возможностей для исторических исследований. В рамках данного вопроса заострено внимание на создании и формировании целостной, или интегральной, методологии истории. В работе обрисована историография методологии истории, дан ретроспективный взгляд на различные философские и религиозные стремления к целостному познанию реальности с античных времён до наших дней, которые в той или иной мере оказывали влияние на становление и развитие науки вообще и исторической науки в частности. Среди наиболее перспективных для исследования истории, по мнению автора, систем целостности выделены интегральные подходы, сформулированные в философии всеединства Владимира Соловьёва, теории социальной трёхчленности Рудольфа Штайнера и интегральной метатеории Кена Уилбера. Сравнительным путём показана общность систем Соловьёва, Штайнера и Уилбера и продемонстрировано, каким образом их

разработки могут быть применены в ключе исторических исследований. Целью данной работы является демонстрация того, что сложившиеся к настоящему времени способы рассмотрения и постижения истории, присущие различным историческим школам и вспомогательным историческим дисциплинам, могут быть включены в целостную, или интегральную, методологию истории, которая могла бы объединить их всех и дать ключи для интенсивного развития интегрального методологического направления. По результатам исследования в статье сделан вывод, что создание и развитие целостной методологии истории на базе синтеза интегральных разработок Соловьёва, Штайнера и Уилбера позволит познать былое максимально полно и глубоко, уменьшит вероятность фальсификации истории, а, кроме этого, вызовет педагогический эффект, полезный для совершенствования как самих интегральных исследователей истории, так и для реципиентов результатов их работы.

Ключевые слова:

историческая наука, целостная методология истории, теория истории, философия целостности, философия всеединства, социальная трёхчленность, интегральный подход, Владимир Соловьёв, Рудольф Штайнер, Кен Уилбер

Введение

Методология познания истории с момента зарождения исторической науки и по сей день является наиболее актуальной и перспективной сферой исследования и совершенствования, поскольку абсолютно полного и точного знания истории научный мир по сию пору не имеет и оттачивание приёмов исторического познания остаётся крайне востребованным. Цель истории, как любой науки, — познание истины. Поэтому всё, что ведёт к этой цели, тщательно испытываясь, может и должно браться в научном мире на вооружение.

Чисто исторические исследования, посвящённые фактам и событиям прошлого, к сегодняшнему дню столь обширны, что современному историку зачастую сложно найти новую уникальную тему, которая не освещалась бы в исторической литературе, и ему приходится раз за разом сужать спектр исследований, вдаваясь в разнообразные детали былых эпох или же рассматривая их под всё новыми и новыми углами зрения.

Не так обстоит дело с методологической стороной познания истории: невзирая на то, что за последние два-три столетия способы постижения былого серьёзно усовершенствовались, им есть ещё куда расти как в теоретическом, так и в практическом планах. Особенно это касается вопроса целостного, или интегрального, постижения истории, как некой всеохватной методологии истории или даже метатеории исторического познания [\[55\]](#).

Нередко те или иные философские концепции или взгляды, будучи брошенными на исторический процесс и делая на основе этого необычные теоретические обобщения, становились источниками практических приёмов в разыскании и истолковании фактов и событий истории, что позже входило в плоть и кровь методологии исторической науки [\[43\]](#). Возникновению и развитию различных методологических приёмов историческая наука во многом обязана именно философии, которая пребывает вне лона наук и, словно сверхнаука, нередко задаёт главные направления исследования, делает масштабные обобщения, стремится отыскать высшие смыслы и постигнуть окончательные

цели в отношении того, что рассматривает [\[47\]](#).

В силу этого для разработки и развития целостной и всеохватной методологии историческая наука несомненно может обратиться к помощи философии, а если быть точнее — к философии целостности (в самом широком смысле) как наиболее всевключающей, на наш взгляд, философии. Но прежде чем мы начнём обрисовывать данную перспективу, рассмотрим существующие на сегодняшний день подходы к постижению истории, а также философские направления целостности и попытаемся определить их место в построении возможной всеобъемлющей теории и методологии исторического познания.

Сложившиеся подходы к познанию истории от древности до современности

С момента формирования истории как науки возникали различные направления и школы, предлагавшие свои точки зрения на изучение прошлого, развивавшие специфические подходы в исторических исследованиях. Теория и методология истории к настоящему времени сформировалась в основном как *сумма* различных принципов, воззрений и приёмов. Каждая из школ в отдельности внесла свой вклад в развитие науки постижения истории, акцентируя внимание на определённых исторических перспективах и наборах исследовательских инструментов.

Обозревая историографию вопроса, среди зарубежных и отечественных направлений выделяют ряд этапов и направлений в познании былого [\[43\]](#):

С раннеантичных времён история воспринималась как увлекательное художественное *повествование* о былых деяниях предков или богов, в котором правда и вымысел перемешаны. Гомер с его «Илиадой» и «Одиссеей» и Гесиод с его «Теогонией» олицетворяли этот период. Позднее история стала рассматриваться как способ политического назидания и воспитания граждан, т.е. *прагматически* [\[9\]](#). Здесь мы имеем таких историков, как Полибий, Тит Ливий, Публий Тацит, Аммиан Марцеллин. Ни методологии, ни самой науки истории как таковых ещё не существовало. Зачатки исторической научности с требованиями достоверности и точности изложения былого, как, например, у Фукидида или Аристотеля, в целом были редкими явлениями.

В период европейского Средневековья история виделась по преимуществу в рамках христианской теологии и укладывалась в библейский нарратив (сотворение мира, грехопадение, расселение народов, деятельность пророков, воплощение Сына Божьего, движение мира к Божьему Суду). Такие видные церковные историописатели, как Евсевий Кесарийский [\[19\]](#), Августин Аврелий [\[3\]](#), Иларион Киевский [\[21\]](#), являли собой воплощение этой перспективы.

Возрождение и Реформация в Европе, движимые волной рационализма и эмпиризма, определили секуляризацию науки и исторического знания от религии. Новое время стало началом формирования истории как науки. К XIX веку она приобрела черты более или менее слаженной научной дисциплины со своими методологическими приёмами, а на рубеже XIX—XX столетий стала полноценной наукой с выработанной методологией, включая различные вспомогательные исторические дисциплины.

В основе исторической науки положен принцип историзма: время течёт, человек и общество меняются и развиваются; причины будущего сокрыты в прошлом; былое рассматривается в контексте своей эпохи. История постигается эволюционно, генетически и каузально, где определённая эпоха имеет корни и предпосылки в

предыдущей и одновременно является основой последующей. Причинно-следственные закономерности становятся базисом понимания исторического процесса.

Немецкая классическая философия, несомненно пропитываясь высокой теологией христианства, рассматривала историю с идеальной точки зрения. Георг Гегель в своей философии истории исходил из того, что история, включая историю мысли, представляет собой последовательное развёртывание деятельности Абсолютного Духа, становление и развитие в ходе времён абсолютной идеи, в силу чего исторический процесс един и диалектически непротиворечив. Продолжая идеи Иоганна Фихте, Гегель рассматривал ход истории, развитие государств и наций через триаду «тезис—антитезис—синтез» [\[14\]](#). Фридрих Шеллинг, в свою очередь, смотрел на историю как на выражение последовательно раскрывающегося Божественного откровения через смену эпох Отца, Сына и Духа на пути от необходимости к всеобщей свободе человечества в соединении с Абсолютом [\[50\]](#).

Позитивизм в лице Огюста Конта и его последователей, скрестившись с историзмом, отнёс историю к конкретным теоретическим наукам, заострив внимание на важности эмпирических данных, получаемых через органы чувств, и выводов, делаемых на основе такого знания, насколько это возможно [\[24\]](#).

Начиная с «ранкеанской революции», исторические исследования направились по пути эмпирических изысканий и научной точности как основы всяких исторических реконструкций. Историки той волны, такие как Леопольд фон Ранке, Теодор Момзен, Якоб Буркхардт, Иоганн Дройзен, заложили базу исторического метода. Ранке видел в критическом анализе эмпирических данных истории, их подробной реконструкции и идеальном обобщении фундамент для понимания Божественного провидения в ходе времён [\[38\]](#). Дройзен, развивая его методы, подразделил и детализировал этапы исторического исследования, включив в них эвристику, критику, интерпретацию источников, а также последующие систематику при осмыслении и топику при изложении полученных результатов, видя в историческом процессе осуществление нравственного начала [\[17\]](#).

Методическая школа в лице Шарля-Виктора Ланглуа и Шарля Сеньобоса и продолжавшего их Эрнста Бернгейма, опираясь на постулаты позитивизма, делала упор на тщательную проработку, внешнюю и внутреннюю критику исторических источников (прежде всего документов), на твёрдое установление, группировку и анализ конкретных исторических фактов и событий в качестве фундамента последующего мысленного исторического синтеза и создания наиболее точного и полного исторического повествования. Влияние философии и теологии, как у Ранке и Дройзена, на интерпретацию истории исключалось. Привлекались данные из смежных с историей дисциплин: социологии, психологии и др. [\[26\]](#).

Марксистская школа в лице Карла Маркса и Фридриха Энгельса рассматривала историю как череду революционно сменявших друг друга общественных формаций (первобытно-общинное, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое, коммунистическое общества), материю и экономику, производственные силы и отношения видела фундаментом любого социального строя, а идеи и культуру — надстройкой над ними [\[32\]](#).

Родоначальник культурологии Освальд Шпенглер считал, что наука может быть только естественной, в силу чего отказывал истории в какой бы то ни было научности. Лишь в естественных науках он видел способ извлечения точных истин, история же, со всеми её

фактами, по его мнению, таким набором данных не обладает. Развивая идеи цивилизационного подхода Николая Данилевского, Шпенглер был убеждён, что историк всегда видит прошлое исходя из своей цивилизационной обусловленности и тем самым ограничен этим [\[56, 57\]](#).

Школа «Анналов» в лице Люсьена Февра, Марка Блока, Фернана Броделя и Жака Ле Гоффа акцентировала уже внимание на ментальности народов, продолжительных во времени общественных процессах или структурах большой длительности, обращалась к темам экономики, обычаев, повседневной жизни, эмоциональным впечатлениям человека былых времён. Внутренний мир человека, психоэмоциональные струны общества в ходе истории стали интересовать историков наряду с внешними событиями [\[46, 12, 13, 28\]](#).

Школа «Анналов» в некотором смысле шла по стопам петербургской школы в лице историков и методологов Константина Бестужева-Рюмина, считавшего, что *во внешней жизни народа выражается жизнь внутренняя* [\[10\]](#), а особенно Александра Лаппо-Данилевского, разработавшего интегральный психологический подход к познанию истории. Исторические источники, согласно последнему, есть отчётливые отпечатки, проекции или выражения действия *душевной жизни человека* былых времён; в этом качестве они позволяют извлечь из себя исторические факты. Лаппо-Данилевский кропотливо шёл от частного к общему, тщательно работая с отдельными историческими источниками и фактами и возводя в конечном итоге получаемое знание к разным порядкам исторической и космической целостности [\[27\]](#). Мировая история виделась ему великой индивидуальностью человечества. Представитель евразийства историк и философ Лев Карсавин позже выразил это видение мировой истории как действие каскадных «симфонических личностей», проявленных в форме народов, религий, культур и всего человечества [\[22\]](#).

Вильгельм Дильтей, как представитель герменевтического и психологического направления в понимании былого, действуя в русле философии жизни, дал оригинальное воззрение на историю. Он был убеждён, что путь к пониманию прошлого лежит в верной расшифровке памятников прежних времён, исходя из всей суммы сведений контекста минувших эпох, которые исследует историк. Жизнь людей прошлого может быть понята и постигнута потому, что во все времена люди имеют *единую природу*. Путём самопознания и сопереживания историк, глубоко вникая в былое, может интуитивно прочувствовать и пережить его как *собственное настоящее*. Дистанция между эпохами, по Дильтею, искусственна и условна [\[15\]](#). Ему вторил Дмитрий Лихачёв, полагая, что характер мышления у человека во все века был одним, и потому, вживаясь в прошлое через его останки, мы способны понять и воссоздать ход мыслей человека былых времён [\[43, 30\]](#).

Не менее оригинальный взгляд на постижение истории предложил экзистенциалист Мартин Хайдеггер. Он полагал, что историку, прежде чем он по-настоящему сможет увидеть историю, необходимо очистить своё сознание от *предмнений*, обусловленных его воспитанием, исторической традицией и культурной средой. Предмнения практически всегда накладываются на оценки и суждения историка в его попытках постичь и понять историю. И работа по очищению своего сознания до кристального состояния может занять всю жизнь, в силу чего *чисто* понять историю исследователь может и не смочь, хотя и должен стремиться к этому [\[43, 48\]](#).

Воспользовавшись компрометацией истории в первой половине XX века, возникшей по вине приверженности отдельных представителей науки расистским теориям гитлеровского нацизма, постмодернисты и деконструкторы второй половины XX — начала XXI веков совершили «лингвистический поворот» [36]. Историческая наука столкнулась с «постмодернистским вызовом», знамя которого подняли такие философы-постмодернисты, как Жан-Франсуа Лиотар [29], и такие историки-постмодернисты, как Хайден Уайт [44], Франклин Анкерсмит [6] и Кит Дженкинс [20]. Постмодернизм представил историю как *текст*, а тем самым и как набор производных от текста *искусственных нарративов*. Философы-постмодернисты отказали истине в праве быть, а историки-постмодернисты отказали истории в праве быть наукой. Повлияв на мировой научный и политический дискурс, эти воззрения пошатнули, но не разрушили историческую науку, вызвав у неё своеобразную «иммунную реакцию». В силу этого, с одной стороны, в исторических учёных кругах углубилось развитие источниковедения, а с другой стороны, усовершенствовалась герменевтика и повествовательный синтез [43].

К сегодняшнему дню историческая наука, пройдя внушительный путь развития, выбрала в себя множество подходов и методов. Настала пора объединить их в единую *интегральную историческую метатеорию* — философию и методологию исторической целостности, которая позволит историкам обрести инструменты всеобъемлющего познания былого, не отрицая прежние подходы, а гармонически включая их все как части единого подхода.

Философские устремления к цельному знанию в исторической ретроспективе

Целостность, или интегральность, в познании чего бы то ни было предполагает *всевключающий* подход. Под всевключением надо понимать способность увязывать различные перспективы, ракурсы или углы зрения на реальность, чтобы, объединённые, они давали единое системное знание, в котором каждому элементу или сегменту была бы отведена собственная ниша и особая роль. При этом соединение таких перспектив, ракурсов или углов зрения позволяло бы обрести *качественно новое знание*, не равное простой сумме слагаемых.

В религиозной и философской мысли Востока и Запада на протяжении истории стремление к целостности, или интегральности, находило выражение в калейдоскопе множества учений. Эти интенции были присущи Античности от пифагореизма до неоплатонизма, представителям которых Единое виделось подлинной реальностью [7, 5, 34, 35, 37]. Христианские богословы заявили единство в Отце абсолютной духовной целью человека [33], позже сформулировав учение о непостижимом Боге, или Ничто, превосходящем любые противоположности, частности и определения [16, 61, 25]. Христианские гностики, в свою очередь, постулировали божественную Плерому (Полноту) источником всеобъемлющего знания (гнозиса) и духовной целью человека [18]. В индийской философии адвайта-веданты и ануттара-тантры реальным виделся лишь бесформенный, бескачественный, неделимый Абсолют (Парабрахман, Парамашива), многообразный и противоречивый мир же воспринимался либо кажимостью (майей) [4], либо творческой игрой божественных энергий (шакти) [2], включая сверхразумное одухотворение и обожение человека [58]. Буддийская философия основой установила Пустоту (Шунью) — всеобъединяющую непрерывную и цельную реальность, постигаемую во вспышке чистого озаряющего знания (ригпа) вне противоположности и разделения [40]. Средневековая немецкая мистика всё возвела к непостижимой, всепронизывающей

и всеохватывающей Бездне (Ungrund) — источнику абсолютной свободы и бесконечного творчества [11, 8]; а пропитавшаяся ею немецкая классическая философия развила идеи неделимости Абсолюта, в котором субъект и объект, дух и природа, эманации и творчество тождественны друг другу [49] и который в ходе истории выражается в мифологии [53, 54] и откровении [51, 52]. Пантеистические тенденции в европейской философии нашли своё выражение в учении о том, что Бог — единственно существующая бесконечная и совершенная субстанция, содержащая в себе все возможности, способности и свойства, доступные человеческому мышлению и созерцанию [41]. Русская классическая философия заложила прочный фундамент для рассмотрения всего в ключе тотального всеединства [39]. Развившийся на её почве русский интуитивизм представил «мистический эмпиризм» и интуицию универсальным способом целостного схватывания полноты истины [31]. Антропософски ориентированная философия также определила интуицию важнейшей способностью цельного познания человека, общества и вселенной [59]. Целостным миропониманием оказался пронизан теизм в католицизме, объединивший христианскую теологию и строгую науку [42]. Наконец, стремления теоретически объять все структуры и стадии развития человеческого сознания (от праисторического архаического до прогнозируемого интегрального) и практически применить это миропонимание ко множеству направлений научного, философского и религиозного поиска и исследований оказались присущими новейшим вариациям интегрального подхода [1, 45].

Итак, поиски всеохватывающего способа познания реальности волновали философские и религиозные умы человечества на протяжении сотен и тысяч лет. Так или иначе они оказывали влияние на науку. Однако развитию целостной, или интегральной, методологии, включившей бы в себя максимально полное количество перспектив и способов познания реальности, которую можно было бы системно применить в любом направлении религиозного, философского и научного поиска и познания, в том числе и в исторической науке, отдавали свои силы немногие исследователи. Из вышеприведённых направлений мы бы выделили интегральные системы Владимира Соловьёва, Рудольфа Штайнера и Кена Уилбера. Такой выбор обусловлен тем, что, во-первых, данные системы, на наш взгляд, наиболее близки друг другу по способам познания реальности, благодаря чему поддаются большей степени сравнения и объединения, а во-вторых, в своих познавательных замыслах и их осуществлении они проработаны достаточно для того, чтобы на их основе сформулировать целостную методологию познания реальности, о чём речь пойдёт ниже.

Системы целостности Вл. Соловьёва, Р. Штайнера и К. Уилбера

К хронологически первой системе целостности, или интегральности, относится философия всеединства Владимира Соловьёва. Развивая идеи платонизма и христианства, Соловьёв в своём фундаментальном труде «Философские начала цельного знания» исходит из трижды трёх перспектив универсума, рисуя сетку форм сознания общечеловеческого организма. Он выделяет три сферы, охватывающие всю человеческую жизнь: сферу *творчества*, сферу *знания* и сферу *практической деятельности*. В сфере творчества субъектом и основой он определяет *чувство*, в сфере знания — *мышление*, а в сфере деятельности — *волю*. Объектом и принципом в сфере творчества обозначает *красоту*, в сфере знания — *истину*, а в сфере деятельности — *общее благо*. Каждую из этих трёх сфер жизни Соловьёв подразделяет, в свою очередь, на три уровня: *абсолютный*, *формальный* и *материальный*. Благодаря этому в сфере творчества ему удаётся выделить *мистику*, *изящное искусство* и *техническое художество*,

в сфере знания — *теологию, отвлечённую философию и положительную науку*, а в сфере практической деятельности — *духовное общество (церковь), политическое общество (государство) и экономическое общество (земство)* [39]. Таким образом, мы имеем трижды три угла зрения, под которыми можно рассматривать жизнь человека и общества. Один взгляд относится к области человеческих впечатлений и переживаний, второй — к области знания и мышления, третий — к области волевой активности. Каждая из этих перспектив имеет свою степень глубины: высший уровень отведён мистике, теологии и духовному обществу, средний — изящному искусству, отвлечённой философии и государству, а нижний — техническому художеству, положительной науке и экономическому обществу. Эти девять точек зрения позволяют исследователю человека и общества рассмотреть и получить знания о предмете комплексно и разносторонне.

Второй по хронологии системой целостности выступают социологические разработки философа и антропософа Рудольфа Штайнера, отражённые, прежде всего, в его труде «Сущность социального вопроса в жизненных necessities настоящего и будущего». В данной работе, посвящённой общественной трёхчастности (социальной трёхчленности), он предлагает три позиции видения для цельного понимания и гармонического взаимодействия различных сфер человеческого общества. Проводя аналогии между биологическим и общественным организмом, хотя и предостерегая от буквального отождествления их, он делит восприятие социальной жизни на три уровня: духовный, правовой и экономический. К духовному уровню Штайнер относит область человеческого «я», сознание, идеи и мысли, побуждения и переживания, внутренние импульсы и творческие силы, нравственность, ценности и культуру человека, которые, согласно его воззрениям, должны развиваться свободно. К правовому уровню он относит сферу человеческих взаимоотношений, налаживание связей и взаимодействий между индивидуумами или сообществами, разграничение и регламентацию прав и обязанностей, управление людьми и коллективами, административную работу, политическую жизнь, выстраиваемую на принципе равенства всех перед законом. Наконец, к экономическому уровню он относит хозяйственные, производственные и торговые отношения, связанные с обеспечением достойного материального существования человека и общества, идеалом которого полагает человеческое братство [60]. Таким образом, согласно социологическому видению Штайнера, можно выделить три ключевые перспективы. Одна исходит из *внутреннего мира* человека, его духовности, его «я»; вторая — из выстраивания правовых общественных отношений, связей различных «я» *друг с другом*; третья — из *внешнего мира* материального обеспечения и организации условий жизни для всех «я». Такое комплексное понимание общественного организма, как и в предыдущем случае, позволяет исследователю заострить внимание на различных гранях жизни и развития человеческого общества как в прошлом, так и в настоящем, минимизировав «белые пятна».

Наконец, хронологически третья система целостности есть интегральный подход Кена Уилбера. По Уилберу, совокупная реальность может быть рассмотрена исходя из четырёх позиций или квадрантов: «Я», «Мы», «Оно» и «Они». Позиции «Я» и «Мы» принадлежат *внутреннему, субъективному* миру, а позиции «Оно» и «Они» — *внешнему, объективному*. При этом позиции «Я» и «Оно» друг с другом *роднит единичность*, а «Мы» и «Они» — *множественность*. Помимо этого, каждый из квадрантов подразделяется на уровни, в силу чего существует множество слоёв психики (квадрант «Я»), субъективной общности (квадрант «Мы»), объективной предметности (квадрант «Оно») и объективной общности (квадрант «Они»). К этому Уилбер добавляет линии развития внутри каждого из квадрантов (от наружных зон к внутренним). Совокупность уровней при этом

представляет собой *холархию*, в которой каждый вышестоящий уровень *вбирает* в себя нижестоящий, а не исключает его, при этом будучи качественно бóльшим. Таким образом, соединяя все четыре многоуровневые позиции и применяя их к постижению и практике в отношении всего, исследователь, по Уилберу, способен достичь целостного, или интегрального, видения [\[45\]](#).

Применение интегральных воззрений Вл. Соловьёва, Р. Штайнера и К. Уилбера в методологии истории

Системы Соловьёва, Штайнера и Уилбера объединяет то, что они стремятся объять различные, порой сложно сочетаемые для привычного сознания, перспективы восприятия реальности, однако легко увязываемые сознанием, стремящимся к всеохватности и полноте. Исходя из данных систем, целостность видится как единство чувственных переживаний, мыслительного знания и волевой деятельности, внутреннего и внешнего миров, единичности и множественности явлений, субъективного и объективного взглядов и связи между ними и, возможно, чего-то большего, что превосходит все эти точки зрения, являясь их синтезом, эссенцией или сутью. Все три подхода, каждый по-своему, имеют большой задел для развития как внутри себя, так и для применения к познанию в принципе любых областей жизни, включая человеческую историю. Построенная на их основе теория и методология истории, по нашему мнению, может стать надёжным фундаментом для включения в себя способов и инструментов познания всех возможных аспектов реальности, какие могут пригодиться историку для поиска, опознания, проверки, осмысления и изложения фактов и событий былого. Одновременно с этим целостный подход к историческим исследованиям может непротиворечиво связать друг с другом различные исторические школы, их взгляды и методы, чтобы они не противопоставлялись между собой, а гармонически дополняли друг друга и помогали в достижении и совершенствовании полного исторического знания.

Так, например, нижние уровни в философии цельного знания Соловьёва (техническое искусство, положительная наука и экономическая общность), материальная ступень трёхчленности социального организма (производственно-экономические отношения) в системе Штайнера и объективированные явления из перспектив «Оно» (предметы от микромира до макромира) и «Они» (множественные предметы и их структуры) в подходе Уилбера акцентируют внимание на той области, которой в исторической науке занимается преимущественно источниковедение, включающее в себя эвристику и критику исторических данных. Формальный уровень Соловьёва (изящное искусство, отвлечённая философия и политическая общность), правовой уровень Штайнера (правовые отношения и взаимодействия людей друг с другом) и квадранты «Мы» (социальные общности, с которыми ассоциируется субъект) и «Они» (социальные общности, существующие для субъекта как отдельные от него структуры) Уилбера позволяют заострять внимание исследователя на политической и правовой истории, истории повседневности, нравов и отношений, истории искусства, науки и техники, социальной истории, истории организаций, движений, орденов и т.д. Наконец, абсолютный уровень Соловьёва (мистика, теология, духовная общность), духовный уровень общественного организма Штайнера (духовная индивидуальность, сфера свободного творчества человеческого «я»), как и квадранты «Я» (индивидуальные психические свойства, способности, впечатления, знания, мысли, намерения, импульсы человека) и «Мы» (сообщество, с которым человек осознаёт своё родство) Уилбера дают ту перспективу, исходя из которой можно рассматривать и познавать историю мифологии, религии, культуры, мистики и философии в их личностных и сверхличностных

аспектах, психологию и философию истории, историю идей, историческую антропологию и этнологию, историю развития сознания и т.д.

Таким образом, обобщая, мы приходим к пониманию выделения как минимум трёх условных уровней, с позиции которых имеет смысл познавать историю: нижний уровень — материально-вещественный; средний — общественное взаимодействие; верхний — духовно-душевная сторона жизни.

Методическая процедура целостного исторического познания

Приложение обрисованного подхода к конкретной исследовательской методике позволяет проиллюстрировать его применимость и действенность. При интегральном познании мы обязаны рассматривать любой исторический феномен со множества точек зрения, увязывая данные, полученные из них, в единую и непротиворечивую картину. Методология интегральной истории в данном случае становится «схемой», используя которую, историк распознаёт в былом то, что без этого «инструмента» прежде мог упустить или чему мог не придать должного внимания, из-за чего история оказалась бы неполной. Имея минимум три ракурса — материальный, общественный и духовный, — историк подходит к каждому этапу собственной работы с этих трёх позиций.

Согласно классической процедуре исторического исследования, первый этап работы историка относится к эвристике (поиску и нахождению исторических источников); второй — к анализу (внешней и внутренней критике источников, подтверждению или опровержению их достоверности, классификации и систематизации данных, полученных из них); третий — к синтезу (определению исторических фактов и реконструированию исторических событий); четвёртый — к нарративу (формулированию литературного повествования на основе проработанных исторических сведений и полученных исторических знаний). С позиции трёхуровневой методологии целостности, на каждом из этих этапов *в отношении предмета исследования* мы принимаем во внимание одновременно: а) вещественные памятники былого — материальные носители всевозможной исторической информации (постройки, предметы труда, изображения, тексты и пр.); б) социокультурный и исторический контекст прошлого — общественные взаимоотношения и взаимодействия людей и их групп друг с другом (обычаи, нравы, порядки, законы, писанные и неписанные правила и т.д.); в) ментальную сторону — душевно-духовную жизнь человека и общества (движущие личностные и коллективные мотивы, идеи, побуждения, замыслы, чувства, определявшие незримый фон и скрытую логику развёртывания исторических явлений и процессов). Любой исторический источник (сооружение, изображение, документ, слово и т.д.) историк, использующий методологию целостности, видит не просто как памятник былых времён, но, с одной стороны, — как вещественное олицетворение внутренней жизни человека прошлого, который некогда этот памятник произвёл и который некогда им пользовался, а с другой стороны, — как символ неких социокультурных связей и общезначимых функций в том сообществе и в том времени, внутри которого данный памятник появился и имел хождение.

Параллельно с этим интегральный историк производит определённую психологическую процедуру *по отношению к самому себе*: в одной фазе собственных исследований он сознательно занимает позицию беспристрастного наблюдателя исторических данных и безучастного судьи, чем стремится обеспечить объективность своих оценок и независимость своих выводов в отношении истории от собственной личности. В другой фазе для полноценного осознания событий былого «изнутри» он столь же сознательно ассоциирует себя с историческими событиями и личностями, мысленно моделирует

собственное присутствие в прошлом и максимально полно (насколько это позволяют возможности его воображения и широта и точность имеющихся у него исторических данных) проживает его, словно он был непосредственным участником или свидетелем минувших эпох. По завершении этой фазы он вновь обязан «отключиться» от всего личностного и вернуться в исходную точку абсолютно беспристрастного исследователя, но наполненного уже неким «опытом» (эквивалентом опыта) проживания былого (модели былого). Такая двухэтапная психологическая процедура включает в себя, во-первых, «погружение» историка в прошлое, благодаря чему он детализирует свои теоретические представления о нём и обретает переживание «вкуса» или «атмосферы» прежней эпохи, а во-вторых, реверсивный акт «погашения» историком любых личностных пристрастий и оценок в отношении постигаемой и осмысляемой истории, что обуславливает минимизацию искажений восприятия.

В качестве исторического примера применимости интегральной методологии возьмём крещение Руси, рассмотрев его на трёх уровнях, с внутренней и внешней сторон и под единичным и множественным углами зрения. Так, на материальном уровне мы обнаруживаем и анализируем разнообразные вещественные источники, сообщающие о крещении, созданные как на Руси, так и за её пределами; изучаем природные, экономические, бытовые, технические причины и условия, побудившие и заставившие Русь креститься, и какие это породило материально-хозяйственные следствия для страны. На уровне общественного взаимодействия с внутренней стороны мы прослеживаем, какое отношение к крещению образовалось среди княжеского рода, знати, дружины, жречества, простого народа, как сталкивались, противостояли и соединялись старые языческие родовые и племенные общности, как зарождалась и формировалась в качестве института христианская церковь, как изменялась под влиянием крещения княжеская власть и приближённые к ней элиты, как преобразовывались правила и нормы жизни в государстве, как это отражалось на правах и обязанностях различных слоёв и групп общества, как менялись родовые, семейные, межличностные отношения и т.д. С внешней стороны на уровне общественного взаимодействия мы постигаем, какими внешнеполитическими и международными факторами было обусловлено крещение Руси, как изменились отношения Руси с соседними странами, какую роль играли в крещении мировые политические тенденции, движения, силы. На духовно-душевном уровне с внутренней стороны мы исследуем, какие побудительные мотивы двигали князем Владимиром и его окружением, дабы крестить Русь, что могло заставить его (политические амбиции, религиозность, убеждения или иное) принять решение в пользу определённого вероисповедания, как крещение Руси повлияло на образ мыслей и действий князей, бояр, жрецов, воинов, купцов, крестьян и др., какая предшествующая культурная, религиозная, идейная почва на Руси позволила вобрать в себя христианство, насколько серьёзно и с какой интенсивностью, какие соответствующие культурные следствия это вызвало, отразившись на характере, обычаях, нравах и воззрениях власти, духовенства, знати, народа и т.д. С внешней стороны на этом уровне постараемся понять побуждения соседствующих с Русью государств, народов, религий, их представителей и групп, так или иначе связанных с крещением Руси и оказывавших на него влияние на уровне личностного и общественного сознания русичей.

Точно так же может быть выбрана любая другая историческая тема, включая спорные и сложные вопросы, не так разработанные и изученные, как крещение Руси. Рассмотрение любой исторической проблематики может быть обогащено интегральным видением, стремящимся не исключить, а включить максимальное количество и степень глубины доступных исследователю методологических ракурсов и методических операций.

Выполнение историком интегральной исследовательской процедуры приводит к объединению им максимально возможного комплекса данных, полученных из всех доступных перспектив (объективных и субъективных, общих и частных, множественных и единичных, материальных и идеальных) и к написанию им по итогу исследований целостного исторического полотна с минимумом лакун.

Предложенный способ целостного исторического исследования идеален. На том или ином этапе, однако, может возникнуть «сбой», вызванный либо неполнотой или неточностью исторических данных, почерпнутых из исторических источников, их наборов или фрагментов, либо несовершенством воли и мысли самого исследователя, обусловленных недостаточной натренированностью его концентрации внимания, способности сознательно переключаться из одного психологического состояния в другое и широтой, строгостью и устойчивостью его мышления. Сам по себе метод всестороннего охвата возможных перспектив и состояний в ходе исторического исследования искажений привнести не может, так как эта процедура беспристрастна. А имея перед собой описание данной процедуры, историк и, непременно, научное сообщество, в контексте которого он действует, способны корректировать и подстраховывать друг друга, вырабатывая более строгие и сложные методы и правила верификации интегрального опыта, как это вообще принято делать с современными методами и правилами научного исследования.

Преодоление редуционизма в методологии истории

Применяя процедуру интегрального познания истории, мы избегаем односторонности и редуционизма в исследованиях. В качестве крайностей в исторической науке, чуждых целостности, можно привести, например: а) марксизм, истолковывавший ход истории исключительно из объективной материи и производственных отношений и сводивший историю к классовой борьбе; б) позитивизм, рассматривавший историю только сквозь эмпирически доступные данные и ограниченные вещественные факты, не уделяя достаточного внимания системным связям и сущностному синтезу, не говоря уже о прозрении в психологические струны человека и общества, движущие ходом истории; в) фрейдизм, оценивавший историю человеческого общества исключительно с позиции психологических комплексов; г) постмодернизм, сведший, в свою очередь, всё к условным нарративам, проигнорировав, что сознание связано с олицетворяющим его бытием, а история не ограничивается контекстуальным языком и абстрактными понятием, но представляет собой многогранную, не сводимую к чему-то одному, но вместе с тем единую длительность. Всё это, как и подобное, есть разные виды редуцирования целого к тем или иным его аспектам, всеобщего — к частному, универсального — к локальному.

Цель интегральной методологии истории, однако, не в том, чтобы отринуть, а в том, чтобы *объединить* представленные разными историческими школами, смежными и вспомогательными дисциплинами прежние способы познания былого, признав правомерность существования *методологического плюрализма*. В ситуации такого методологического многообразия объектом исторического исследования разных школ будет выступать *одно и то же явление*, освещаемое, однако, *исходя из разных перспектив* (включая уже описанные внутренние и внешние, субъективные и объективные, индивидуальные и коллективные, единичные и множественные, ментальные, чувственные и волевые, материальные, контекстуальные и духовные) и предстающее в зависимости от этого в различных образах, *коррелирующих* тем не менее друг с другом [\[55\]](#). В этом смысле как уже упомянутые, так и все прочие направления исторических исследований с точки зрения целостного подхода играют свою роль, т.к.

они разработали собственные методологии, пригодные, однако, для тех областей, которым они соответствуют, а не абсолютно ко всему. Суть же всеохватывающего интегрального подхода к познанию реальности вообще и истории в частности состоит не в сумбурном смешивании взглядов различных направлений и дисциплин, а в холическом *охватывании* высокоуровневыми методами низкоуровневых методов и *включении* их в себя, но уже в новом качестве, с добавлением того, что в низкоуровневых методах отсутствует [\[45\]](#). В силу этого интегральный подход справедливо может претендовать на звание всеохватывающей метатеории и метапрактики, включая познание истории.

Выводы

Нельзя сказать, что историческая наука не выработала и не развила хорошую методологию. Как раз напротив, за столетия развития исторические исследования с каждым шагом приобретали всё более и более систематический и целостный вид. Наша точка зрения, однако, состоит в том, чтобы свести теперь все имеющиеся подходы к историческому познанию в единую теорию и методологию истории, в интегральную метатеорию, и продолжить развитие исторических исследований уже в этом ключе, не отменяя предыдущие подходы, а дополняя ими новый, всеохватывающий подход. Наиболее качественной проработкой, углублением и расширением исторической науки можно было бы заняться благодаря методам интегральных систем Соловьёва, Штайнера и Уилбера, взятых как в отдельности, так и в сочетании друг с другом. Развивая и совершенствуя целостную методологию истории на основе этих и подобных им интегральных подходов, мы приходим к выводу, что благодаря ей историки смогут расширить горизонты своего видения, устранить «белые пятна» и, быть может, заметить то неуловимое, что прежде ускользало от исторического исследования или чему не доставало теоретической основы для обоснования и практической применимости. Не говоря уже о том, что целостная методология истории сузит спектр ошибок в трактовке исторических фактов и событий, дав инструмент предотвращения фальсификации истории [\[23\]](#).

Кроме этого, целостный подход к познанию реальности вообще и истории в частности, с нашей точки зрения, имеет оздоравливающую педагогическую направленность. Исследователь и преподаватель, направляющий свой взор на предмет познания максимально комплексно и всесторонне, с одной стороны, задействует субъективные многоплановые и разнородные резервы своего мышления, чувствования, воления и «я», помогающие в исследовании, а с другой стороны, прибегает к помощи максимально большого объёма объективных основных и вспомогательных научных данных, позволяющих ему рассмотреть исследуемый предмет наиболее полно уже с этой перспективы. Благодаря этому историк развивается и совершенствуется целостно сам как учёный и личность и одновременно подаёт в этом пример другим исследователям и учащимся, не говоря уже о том, что целостным подходом расширяет и углубляет знание предмета исследования, чем делает существенный вклад в науку.

Поскольку историческая наука, по своей природе будучи направленной на изучение изменения и развития *человеческого общества во времени*, благодаря чему во многом являлась и является базисом для формирования и поддержания как человеческой личности, с её социальной идентичностью и ролью, так и устойчивости самого человеческого общества, постольку ориентация истории как науки на интегральное познание будет носить благотворный научный и социальный характер и в перспективе принесёт положительные оздоравливающие плоды для науки, человека и общества.

В силу сказанного считаем, что целостный, или интегральный, подход в исторической

науке является сегодня наиболее перспективным и важным направлением развития и совершенствования методологии истории, имеет высокую педагогическую ценность, а также большой потенциал для укрепления культурного здоровья общества.

Заключение

В статье была представлена существующая историография теории и методологии истории от древности до наших дней, а также были ретроспективно рассмотрены значимые философские направления, которые ориентировались на целостное, или интегральное, познание реальности. Из этих учений были избраны интегральные системы Владимира Соловьёва, Рудольфа Штайнера и Кена Уилбера, как наиболее показательные и действенные для целостного познания реальности вообще и истории в частности, были изложены и объяснены основные их положения, благодаря чему продемонстрирован их теоретический и практический потенциал для становления и развития целостной методологии исторических исследований. На основании проведённого анализа сделаны выводы, что интегральный подход к истории имеет большой актуальный научно-исследовательский, педагогический и общественно полезный потенциал.

Октябрь — ноябрь 2025

Библиография

1. Gebser J. Ursprung und Gegenwart. Ungekürzte Ausg. München: Dt. Taschenbuch-Verl., 1973.
2. Абхинавагупта. Парамартхасара (Суть высшей истины). Перевод с санскрита, предисловие и примечания С.В. Пахомова // Вестник РХГА. 2013. № 1.
3. Августин Аврелий. О граде Божием: перевод с латинского. М.: АСТ, 2023. – 1240 с.
4. Ади Шанкара (Шанкарачарья). Вивекачудамани, или Бриллиант в короне Различения. Прозаическая версия Бхагавана Шри Раманы Махарши. Сост. и пер. с англ. О.М. Могилевера. М.: ПолиГрафиксПрим; Тируваннамалай: Шри Раманашрам, 2012. – 88 с.
5. Алымова Е.В. История древнегреческой философии. Курс из 30 лекций, прочитанный с 12.01.2017 по 06.12.2018 // Нефиктивное образование: офиц. сайт. URL: <https://nefiktivnoe.ru/video/istoriya-drevnegrecheskoy-filosofii> (дата обращения: 05.11.2025).
6. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. Перевод с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова. Под науч. ред. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2003. – 360 с. EDN: RCIMSR.
7. Афонасин Е.В., Афонасина А.С., Щетников А.И. Пифагорейская традиция. СПб.: Издательство РХГА, 2014. – 747 с. EDN: UOQUXV.
8. Бердяев Н. Этюды о Якобе Бёме. СПб.: Умозрение, 2021. – 72 с.
9. Бернгейм Э. Введение в историческую науку: пер. с нем. Под ред. В.В. Битнера. Изд. стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2023. – 72 с.
10. Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. До эпохи Ивана Грозного. М.: Академический проект; Культура, 2015. – 704 с.
11. Бёме Я. Christosophia, или Путь ко Христу. СПб.: A-cad, 1994. – 224 с.
12. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1973. – 232 с.
13. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.: [в 3 т.] Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. Пер. фр. Л.Е. Куббея; Вступ. статья и ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1986. – 622 с. EDN: FUQOYR.
14. Гегель Г.В.Ф. Философия истории. СПб.: Наука, 2000. – 480 с.
15. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Под редакцией А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т. 1: Введение в науки о духе. Пер. с нем. под ред. В.С. Михайлова. М.:

Дом интеллектуальной книги, 2000.

16. Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. Пер. и пред. Г.М. Прохорова. СПб.: Алетейя; Изд-во Олега Абышко, 2002. – 854 с.
17. Дройзен И.Г. Историка: лекции об энциклопедии и методологии истории. Иоганн Густав Дройзен; пер. с нем. Г.И. Фёдоровой; под ред. Складнева Д.В. СПб.: Владимир Даль, 2004. – 582 с.
18. Евангелие Истины: двенадцать переводов христианских гностических писаний. Пер. Дм. Алексеева; под ред. А.С. Четверухина. Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 541 с.
19. Евсевий Памфил. Церковная история. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2016. – 604 с.
20. Егоров Д.И. Эмансипация истории по К. Дженкинсу // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-139-148. EDN: NYYYMV.
21. Иларион. Слово о Законе и Благодати. Сост., вступ. ст., пер. В.Я. Дерягина. Реконстр. древнерус. текста Л.П. Жуковской. Комментар. В.Я. Дерягина, А.К. Светозарского. М.: Столица, Скрипторий, 1994. – 146 с.
22. Карсавин Л.С. Философия истории. СПб.: Комплект, 1993. – 352 с.
23. Кокшаров Д.А. Феномен фальсификации истории Второй мировой войны на примере западного политического дискурса 2023–2025 гг.: интегральное историко-философское исследование // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 2. С. 80-92. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.2.73760 EDN: GZAYMM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73760
24. Конт О. Дух позитивной философии. Ростов н/Д: Феникс, 2003. – 256 с.
25. Кузанский Н. Сочинения в 2-х томах. Т. 1: Перевод. Общ. ред. и вступ. статья З.А. Тажуризиной. М.: Мысль, 1979. – 488 с.
26. Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос; пер. с фр. А. Серебряковой. 2-е изд. под ред. и со вступ. ст. Ю.И. Семенова. М.: Изд-во ГПИБ России, 2004. – 305 с. EDN: QOWSMR.
27. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2013. – 602 с.
28. Ле Гофф Ж. История и память. Жак Ле Гофф; [пер. с франц. К.З. Акопяна]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 303 с.
29. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
30. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. – 360 с.
31. Лосский Н.О. Избранное. М.: Правда, 1991. – 622 с.
32. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М.: Политиздат, 1988. – 574 с.
33. Новый Завет. М.: Даниловский Благовестник, 2022. – 1151 с.
34. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. – 654 с.
35. Плотин. Трактаты 1-11. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2007.
36. Постмодернизм в истории. Интервью Филюшкина А.И. на радиопередаче "Родина слонов" от 30.07.2020 // Родина слонов: офиц. сайт. URL: <https://rodinaslonov.ru/anatomiya-nauki/rs-261-postmodernizm-v-istorii> (дата обращения: 05.11.2025).
37. Прокл. Первоосновы теологии; Гимны: Пер. с древнегреч. Сост. А.А. Тахо-Годи. М.: Прогресс, 1993. – 319 с.
38. Ранке Л. фон. Об эпохах новой истории. Лекции, чит. бавар. королю Максимилиану II (в 1854 г.). Ранке; Пер. И.И. Шитца с предисл. проф. П.Г. Виноградова. М.: Типография

И.А. Баландина, 1898. – 192 с.

39. Соловьёв Вл. С. Философские начала цельного знания. М.: Академический проект, 2011. – 383 с.

40. Сокровища Можжевельной гряды. Глубокие драгоценные наставления Падмасамбхавы, переданные дакини Еше Цогьял. М.: Шанг Шунг, 2023. – 340 с.

41. Спиноза Б. Этика. О Боге, человеке и его счастье. СПб.: Азбука-Аттикус, 2023. – 832 с.

42. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Божественная среда. М.: Neoclassic, 2022. – 416 с.

43. Теория и методология истории: учебник и практикум для вузов. А.И. Филюшкин [и др.]; под редакцией А.И. Филюшкина. М.: Юрайт, 2023. – 323 с.

44. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.

45. Уилбер К. Теория всего: интегральный подход к бизнесу, политике, науке и духовности. Кен Уилбер; [пер. с англ. Е. Пустошкина]. М.: Постум, 2013. – 255 с.

46. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. – 632 с.

47. Фихте И.Г. Сочинения. И.Г. Фихте. СПб.: Наука, 2008. – 752 с.

48. Хайдеггер М. Что зовётся мышлением? Пер. Э. Сагетдинова. М.: Территория будущего, 2006. – 320 с.

49. Шеллинг Ф.В.Й. Изложение моей системы философии. СПб.: Наука, 2014. – 263 с. EDN: SMRBKV.

50. Шеллинг Ф.В.Й. Система мировых эпох: Мюнхенские лекции 1827–1828 гг. в записи Эрнста Ласо. Томск: Водолей, 1999. – 320 с.

51. Шеллинг Ф.В.Й. Философия откровения. Т. 1. СПб.: Наука, 2000. – 699 с.

52. Шеллинг Ф.В.Й. Философия откровения. Т. 2. СПб.: Наука, 2002. – 480 с.

53. Шеллинг Ф.В. Философия мифологии. В 2-х т. Т. 1. Введение в философию мифологии. Пер. с нем. В.М. Линейкина; под ред. Т.Г. Сидаша, С.Д. Сапожниковой; вст. ст. Т.Г. Сидаша. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. – 480 с.

54. Шеллинг Ф.В. Философия мифологии. В 2-х т. Т. 2. Монотеизм. Мифология. Пер. с нем. В.М. Линейкина; под ред. Т.Г. Сидаша, С.Д. Сапожниковой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. – 544 с.

55. Ширяев В. Интегральная история: черновики к целостному осмыслению (09.09.2016) // Эрос и космос: офиц. сайт. URL: <https://www.eroskosmos.org/integral-history> (дата обращения: 29.10.2025).

56. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 1. Гештальт и действительность. Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993.

57. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 2. Всемирно-исторические перспективы. Пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1998.

58. Шри Ауробиндо. Синтез йоги. М.: Никос, 1993. – 831 с.

59. Штайнер Р. Истина и наука: пролог к "Философии свободы"; Философия свободы: основные черты одного современного мировоззрения. Рудольф Штайнер. СПб.: Дементра, 2007. – 437 с.

60. Штайнер Р. Сущность социального вопроса в жизненных necessities настоящего и будущего. Калуга: Духовное познание, 1992. – 144 с.

61. Экхарт М. Трактаты. Проповеди / Майстер Экхарт; изд. подгот. М.Ю. Реутин; [отв. ред. Н.А. Бондарко]. – М.: Наука, 2010. – 438 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования выступает возможность построения целостной (интегральной) методологии исторической науки на основе философских систем трёх мыслителей: Владимира Соловьёва (философия всеединства), Рудольфа Штайнера (антропософская социология) и Кена Уилбера (интегральный подход). Автор стремится показать, что эти три системы могут послужить теоретическим фундаментом для создания всеохватывающей метатеории исторического познания, способной объединить различные исторические школы и методы.

Методология исследования

Автор использует преимущественно историко-философский и компаративистский методы. Статья построена на обзоре существующих подходов к познанию истории (от античности до постмодернизма), ретроспективном анализе философских учений о целостности и сопоставительном анализе трёх избранных интегральных систем. Методология носит преимущественно теоретический, дескриптивный характер.

Слабые стороны методологии:

Отсутствует эмпирическая проверка предлагаемого подхода на конкретном историческом материале

Не представлены конкретные методические процедуры применения интегральных систем в исторических исследованиях

Недостаточно обоснован выбор именно этих трёх мыслителей (почему не Гебсер, Ауробиндо или Тейяр де Шарден, также упомянутые в тексте?)

Актуальность

Актуальность исследования обоснована автором убедительно. Действительно, методологический плюрализм современной исторической науки порождает проблему фрагментации знания. Поиск интегрирующих подходов представляется своевременным в контексте междисциплинарных тенденций в гуманитарном знании. Особенно актуальной видится задача противодействия фальсификации истории через выработку комплексной методологии (автор ссылается на свою предыдущую работу на эту тему).

Однако актуальность могла быть усилена через:

Анализ конкретных методологических проблем современной исторической науки, которые решает интегральный подход

Обзор современных дискуссий о методологии истории в российской и зарубежной историографии

Научная новизна

Научная новизна работы заключается в попытке систематического соотнесения философских систем Соловьёва, Штайнера и Уилбера с методологией истории. Сам по себе синтез этих трёх учений в контексте исторического познания ранее не предпринимался. Автор предлагает оригинальную трёхуровневую схему исторического познания (материально-вещественный, общественно-интерактивный и душевно-духовный уровни).

Ограничения новизны:

Идея целостной методологии истории не нова; сходные попытки предпринимались А.С. Лаппо-Данилевским, Л.П. Карсавиным, представителями школы «Анналов»

Автор скорее декларирует возможность интегрального подхода, чем демонстрирует его работоспособность

Не показано, какие именно новые исторические знания или интерпретации может дать предлагаемый подход

Стиль, структура, содержание

Структура статьи логична и последовательна: введение обосновывает проблему, основная часть включает историографический обзор, анализ философских систем целостности и их применение к методологии истории, заключение суммирует выводы.

Стиль изложения академичен, но местами избыточно описателен. Автор демонстрирует широкую эрудицию, однако обилие имён и направлений в разделе о философии целостности (от Пифагора до Уилбера) создаёт эффект «калейдоскопа», затрудняя восприятие логики развития идеи целостности.

Содержательные замечания:

Историографический обзор (раздел 2) достаточно полон, но неравномерен: европейской и российской историографии уделено много внимания, тогда как незападные традиции историописания практически не рассмотрены

Раздел о философии целостности (раздел 3) перегружен именами без достаточного анализа. Список из двух десятков мыслителей с краткими характеристиками не проясняет критерии отбора и логику эволюции идей целостности

Описание систем Соловьёва, Штайнера и Уилбера (раздел 4) информативно, но поверхностно. Не показаны внутренние противоречия этих систем, не обсуждаются критические оценки их применимости к конкретным наукам

Раздел о применении интегральных воззрений к методологии истории (раздел 5) наиболее слаб. Автор ограничивается общими декларациями о том, что нижние уровни соотносятся с источниковедением, средние — с социальной историей, верхние — с историей идей. Отсутствуют:

Конкретные методические процедуры

Примеры применения подхода к конкретным историческим проблемам

Обсуждение того, как избежать эклектики при объединении разных исторических школ

Не обсуждаются эпистемологические проблемы: как интегральный подход решает вопросы исторической истины, объективности, верификации исторического знания?

Библиография

Библиография обширна (61 наименование) и демонстрирует знакомство автора с широким кругом источников — от античных текстов до современных работ. Представлены классические труды по методологии истории, философские первоисточники, работы по интегральным подходам.

Недостатки:

Слабо представлена современная зарубежная литература по методологии истории (последние 10-15 лет)

Практически отсутствуют работы критиков интегральных подходов

Не привлечены работы по эпистемологии истории, которые могли бы усилить теоретическую базу

Ссылка на собственную статью автора (№23), которая должна демонстрировать применение подхода к проблеме фальсификации истории, выглядит преждевременной в отсутствие развёрнутого обоснования самой методологии

Апелляция к оппонентам

Это наиболее слабая сторона статьи. Автор практически не вступает в полемику с существующими точками зрения. Не обсуждаются:

Критика постмодернистами претензий на «целостное» или «объективное» историческое знание

Возражения позитивистски ориентированных историков против привнесения философских (особенно мистических) элементов в историческую науку

Скептицизм в отношении применимости антропософии Штайнера к научному познанию

Дискуссии о совместимости различных исторических школ и методов

Упоминание «постмодернистского вызова» не сопровождается развёрнутым ответом на него. Как интегральный подход отвечает на вопросы о конструируемости исторического нарратива, множественности интерпретаций, невозможности «объективного» исторического знания?

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы автора корректны в отношении поставленных задач, но ограничены декларативным характером. Утверждается потенциал интегрального подхода для:

Объединения различных исторических школ

Расширения горизонтов исторического видения

Противодействия фальсификации истории

Педагогического воздействия на исследователей

Однако эти утверждения нуждаются в эмпирической проверке и методологической конкретизации.

Читательская аудитория: статья представит интерес для:

Специалистов по теории и методологии истории

Философов, занимающихся эпистемологией исторического знания

Исследователей творчества Соловьёва, Штайнера и Уилбера

Историков, интересующихся междисциплинарными подходами

Вместе с тем практикующие историки могут счесть статью слишком абстрактной и оторванной от конкретных исследовательских задач.

Общее заключение

Статья затрагивает важную и актуальную проблему методологического синтеза в исторической науке. Автор демонстрирует широкую эрудицию и знакомство как с историографией, так и с философскими учениями о целостности. Попытка соединить системы Соловьёва, Штайнера и Уилбера в контексте методологии истории оригинальна.

Основные достоинства:

Актуальность проблематики

Широта охвата материала

Оригинальность синтеза трёх интегральных систем

Ясная структура изложения

Основные недостатки:

Декларативность и недостаточная конкретизация предлагаемой методологии

Отсутствие эмпирической проверки на конкретном историческом материале

Слабая полемика с критиками и оппонентами

Перегруженность раздела о философии целостности именами без достаточного анализа

Недостаточное обоснование выбора именно этих трёх мыслителей

Рекомендации:

Дополнить статью конкретными примерами применения интегрального подхода к анализу исторических явлений

Разработать методические процедуры использования трёхуровневой схемы в исторических исследованиях

Включить критическое обсуждение ограничений и проблем предлагаемого подхода

Усилить полемику с оппонентами, особенно с постмодернистской критикой

Сократить раздел о философии целостности, сосредоточившись на ключевых фигурах

Вердикт: Статья может быть рекомендована к публикации после существенной доработки, прежде всего в направлении конкретизации методологии и усиления аргументации через анализ конкретных исторических кейсов. В нынешнем виде работа представляет скорее программу исследований, чем завершённое исследование.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования является разработка интегральной методологии исторического познания на основе синтеза философских систем В.С.Соловьёва, Р.Штайнера и К. Уилбера. Автор ставит весьма амбициозную задачу – преодолеть фрагментарность существующих исторических методов и предложить метатеоретический подход, способный объединить различные исследовательские перспективы – от материальных до духовных аспектов исторического процесса.

Методологическая основа статьи носит комплексный характер. Автор использует историко-философский анализ для реконструкции эволюции подходов к познанию истории и целостности в философской мысли, сравнительный анализ для выявления общих принципов и специфики в системах Соловьёва, Штайнера и Уилбера, метод теоретического моделирования для конструирования трёхуровневой (материальный, общественный, духовный) исследовательской процедуры. В качестве примера для апробации предложенной методологии берется Крещение Руси. Такой подход

демонстрирует стремление автора к практическому применению теоретических построений.

Проблема редукционизма весьма актуальна, преодоление конфликта интерпретаций между различными историческими школами, поиск ответа на «постмодернистский вызов» – всё это составляет повестку дня современной исторической науки. Предлагаемый интегральный подход претендует на решение этих проблем, что делает исследование востребованным и своевременным.

Научная новизна заключается в самой попытке синтеза трёх названных интегральных систем именно в контексте методологии истории. Нельзя не признать, что сам выбор методологической «троицы» кажется относительно случайным. В статье важно прямо обосновать выбор трех авторов, иначе выводы могут показаться читателю следствием необоснованного выбора. Каждый из этих мыслителей по отдельности безусловно привлекался историками и философами, но их совместное рассмотрение и адаптация их идей для построения конкретной исследовательской процедуры в исторической науке – безусловно, новаторский шаг. Предложенная автором «схема» трёхуровневого анализа исторического источника и двухэтапная психологическая процедура работы историка являются конкретным вкладом в методический арсенал науки.

Статья обладает четкой, логически выверенной структурой, соответствующей канонам научного жанра. Стил ь изложения – академический, насыщенный терминами. Литературное изложение демонстрирует высокую культуру письма.

Список литературы впечатляет репрезентативен для темы. Он включает как классические труды по теории и методологии истории, так и фундаментальные работы по философии, а также ключевые произведения Соловьёва, Штайнера и Уилбера. Следует отметить отсутствие в списке литературы важных обобщающих трудов (например, «Теории исторического знания» И.М.Савельевой и А.В.Полетаева). Небольшим пробелом можно считать отсутствие ссылок на критиков интегрального подхода Уилбера, что несколько сужает поле для потенциальной полемики.

Автор осознаёт возможную критику и заранее апеллирует к потенциальным оппонентам. В разделе о преодолении редукционизма он тактично, но уверенно указывает на ограниченность марксизма, позитивизма, фрейдизма и постмодернизма, не отвергая их, а предлагая включить их наработки в более широкий интегральный контекст. Подчёркивается, что цель – не отмена предыдущих подходов, а их гармоничное дополнение в рамках методологического плюрализма. Это сильная и зрелая позиция. Однако удивительно, что автор совершенно не касается в теории систем и принципа эмерджентности, который просто напрашивается в контексте интегрального подхода к историческому познанию.

Похвально, что автор не ограничивается декларацией о необходимости целостного подхода, а предлагает развернутую, детализированную модель. Работа находится на стыке истории, философии, религиоведения и психологии, что соответствует духу современной науки и открывает новые горизонты для исследований. Разработка пошаговой методической процедуры и её апробация на примере Крещения Руси переводит абстрактные философские категории в плоскость практического инструментария историка, хотя сам итог апробации кажется спорным.

В статье заметна излишняя идеализация метода. Автор признаёт возможность «сбоев», связанных с несовершенством исследователя, но не даёт четких критериев верификации того «опыта проживания былого», который предлагается получить. Это может вызвать обоснованную критику, в том числе подозрения в субъективизме и сделать процедуру плохо проверяемой в рамках строгих научных стандартов (см. например концепцию двойной субъективизации при работе с историческим источников в работах И.Д.Ковальченко). Нельзя не отметить недостаточную проработанность «верхнего»

уровня подхода. Если материальный и отчасти общественный уровни анализа традиционны и понятны, то операционализация «духовно-душевного» уровня, особенно в его «сверхличностных аспектах», остается наиболее спекулятивной и уязвимой для критики частью предложенной модели. Требование одновременно учитывать все три уровня анализа, внутреннюю и внешнюю стороны, единичное и множественное на каждом этапе исследования может оказаться неподъемным для реализации в рамках конкретно-исторического исследования, особенно эмпирического. Существует риск того, что модель останется прекрасным теоретическим идеалом, но будет мало применима на практике.

Ключевой вывод о том, что интегральный подход является наиболее перспективным направлением для развития методологии истории, представляется в целом убедительным, хотя и несколько категоричным. Автору удалось показать эвристический потенциал такого подхода для расширения горизонта исторического видения и преодоления «белых пятен». Однако окончательная оценка этого вывода будет зависеть от успешности практического применения предложенной методики в конкретных исторических работах. Статья вызовет значительный интерес у специалистов по теории и методологии истории.

Учитывая высокий теоретический уровень, междисциплинарный характер и несомненную научную новизну представленного исследования, считаю, что статья «Целостная методология истории в свете интегральных воззрений Владимира Соловьёва, Рудольфа Штайнера и Кена Уилбера» может быть опубликована в журнале «Философская мысль» при условии учета высказанных в рецензии замечаний. Перед публикацией автору можно порекомендовать обратить внимание на высказанные критические замечания, в частности обоснование выбора философов, а также усилить аргументацию в отношении проверяемости предлагаемой психологической процедуры и возможностей практической реализации столь комплексной модели.